

Эллинизм и христианство.

II. Апологія Оригена; ея достоинства и недостатки.

Оригенъ выступилъ на историческую сцену въ качествѣ апологета, когда древне-христіанская апологетическая литература достигла уже значительнаго успѣха. Но всматриваясь въ тѣ задачи и цѣли, какія поставляла себѣ до-оригеновская апологетика, легко можно убѣдиться, что главнымъ объектомъ, на который она посвящала свои труды и старанія, является внѣшняя сторона христіанства, обращенная къ окружающему міру, а не внутреннее существо съ его религіозными вѣрованіями и упованіями. Она развивалась по двумъ направленіямъ и распадалась на два класса: а) на полемику противъ іудейства и б) на полемику противъ язычества и языческаго государства. Poleмика противъ іудеевъ руководилась двумя мотивами,—всевозможными доводами и доказательствами убѣдить іудеевъ, что они сами нарушили законъ и отвержены Богомъ и что христіане являются наслѣдниками всѣхъ благъ обѣтованія, какія провозвѣщены іудеямъ въ Законѣ Божіемъ 2) и что законъ и пророки провозвѣщали о Христѣ Богочеловѣкѣ и всѣ эти пророчества исполнились на Немъ 1).

Полемика противъ язычества и языческаго государства была сложнѣе и разнообразнѣе. Самая жизнь первоначальнаго христіанства среди окружающаго его языческаго обще-

1) Ср. разговоръ Іустина философа съ іудеемъ Трифономъ.—Тертуліанъ противъ іудеевъ.

ства, не имѣвшаго о немъ никакихъ точныхъ свѣдѣній, выдвигала на историческую сцену рядъ вопросовъ, требовавшихъ немедленнаго обсужденія. Общій характеръ этой до-оригеновской апологетики исчерпывается слѣдующими пунктами. Такъ, непрочность и неустойчивость политическаго положенія христіанъ въ римской имперіи являлась живой темой, которая обсуждается большинствомъ апологетовъ. „Христіанъ обвиняють—заявляетъ Іустинъ философъ, за одно имя, но по одному имени, помимо дѣйствій, какія соединены съ именемъ нельзя судить, хорошо что или дурно. Одно имя не можетъ представлять собой разумнаго основанія ни для похвалы, ни для наказанія, если изъ самыхъ дѣлъ не откроется что-либо похвальное или дурное (Ар. 1, с. 4). Что касается христіанскаго поведенія, то они люди цѣломудренныя, молятся за враговъ своихъ, не воздають зло за зло и наслаждаются дарами Отца небеснаго (Ар. 1, с. 15), содѣйствуютъ общественному благу (Ар. 1, с. 12) и платяють подати и повинности поставленнымъ отъ императора чиновникамъ (Ар. 1, с. 17). Можно-ли въ этихъ людяхъ, отличающихся чистымъ и невиннымъ поведеніемъ и высокими нравственными воззрѣніями, усматривать какую-либо вину и преступленіе, достойное наказанія?

Еще энергичнѣе выступаетъ Тертулліанъ противъ юридическаго безпорядка, съ какимъ велись противо-христіанскіе процессы. Когда другимъ предлагаютъ обвиненіе въ томъ же, въ чемъ обличають христіанъ, то для доказательства своей невинности они и сами защищаютъ себя и приглашаютъ наемныхъ адвокатовъ, такъ какъ на судѣ не позволяется тѣхъ, которые бы не защищались и не выслушивались, только однимъ христіанамъ ничего не дозволено говорить на судѣ, что оправдывало бы ихъ, или защищало ихъ истину и предупреждало бы судью отъ несправедливости; только того и ожидаютъ, что необходимо для общественной ненависти. именно признанія имени христіанства, а не разслѣдованія преступления: Римскій судья уже изъ одного факта признанія христіаниномъ заключаетъ и о преступленіяхъ, связанныхъ съ нимъ. Человѣкъ говоритъ въ слухъ всѣмъ „я христіанинъ“; онъ говоритъ, что онъ есть, а судья хочетъ услышать отъ него, что онъ не есть, заботясь не объ открытіи истины, а только стараясь услышать отъ него ложь (Ар. с. 2).

Вторымъ и важнѣйшимъ пунктомъ, предъявляемымъ правительствомъ противъ христіанъ, служилъ ихъ отказъ отъ почитанія признаваемыхъ римскимъ государствомъ боговъ; и здѣсь полемика ведется по двумъ главнымъ направленьямъ. Съ одной стороны христіане энергично полемизируютъ противъ почитанія языческихъ боговъ, и эта полемика отличается большимъ содержаніемъ, такъ какъ римская религія въ своемъ ученіи о богахъ предлагала для нея обильный матеріалъ. Насъ называютъ безбожниками, — говоритъ Густинъ философъ, — и мы сознаемся, — что мы безбожники въ отношеніи къ мнимымъ богамъ, но не въ отношеніи къ истинному Богу, отцу правды, цѣломудрія и прочихъ добродѣтелей (Ар. 1, 16). Христіане не приносятъ и множества жертвъ, не дѣлаютъ вѣнковъ изъ цвѣтовъ и не поставляютъ ихъ въ храмахъ такъ называемыхъ боговъ. Христіанамъ преподано, что Богъ не имѣетъ нужды, что Онъ не имѣетъ нужды въ вещественныхъ приношеніяхъ, Онъ, который все подаетъ людямъ (Ар. 1, 16). Здѣсь полемика съ почитаніемъ языческой религіи неразрывно связана съ защитой христіанской вѣры.

Тоже наблюдается и у Тертулліана. Его полемика противъ боговъ имѣетъ особый характеръ: онъ поклонникъ теоріи Евгемера ¹⁾, и онъ подробно раскрываетъ челоуѣчество боговъ, всесторонне доказывая, что эти боги нѣкогда были людьми и потомъ стали богами. Раскрывъ челоуѣческое происхожденіе боговъ, онъ такъ излагаетъ христіанское ученіе о Богѣ въ его краткомъ видѣ. „Христіане, заявляетъ онъ, — вѣрятъ, что Богъ одинъ, Онъ произвелъ всю вселенную во всѣхъ своихъ элементахъ, однимъ своимъ духомъ произвелъ все изъ ничего. Словомъ, которому повелѣлъ, разумомъ усовершилъ порядокъ, силою, которою все содѣлалъ для украшенія Своего величія (Ар. с. 17)“. И въ отношеніи къ императорской власти онъ вполне корректенъ: христіане молятся за императора, за всякій родъ власти и римское государство. Они видятъ въ императорахъ судей Божіихъ, которыхъ Онъ поставилъ начальниками надъ народами (Ар. 92).

Третій и наиболѣе оскорбительный для нравственнаго чувства христіанъ пунктъ, состоящій въ обвиненіи

¹⁾ Ср. выше, 42 стр.

въ Эдиповыхъ кровосмѣшеніяхъ ¹⁾ и Тіастовыхъ вечерахъ, всесторонне и энергично опровергается Тертуллианомъ (Ud. put. 1. Ap. 7)²⁾, причемъ приводится рядъ параллелей изъ язычества, гдѣ это явленіе выступаетъ въ болѣе отвратительномъ видѣ. Тотъ же характеръ носитъ на себѣ и сочиненіе Аэиногена (Supplic. pro ch. c. 3. 34. 31). Таково было состояніе до-Оригеновской апологетики.

Появленіе „Истиннаго Слова“ Цельса съ его все проникающей и все обхватывающей и все отрицающей критикой христіанскаго ученія, взятаго не только во внѣшней его сторонѣ, но и во всей глубинѣ его мистическихъ упованій, поставило христіанскую апологетику на новую точку зрѣнія, и появилась апологія, которую въ точномъ и исключительномъ смыслѣ должно назвать первой по времени въ исторіи древней христіанской апологетики.

Поставивъ своей задачей на то или другое возраженіе противника дать соотвѣтствующій ему отвѣтъ, Оригенъ осуществилъ эту задачу въ полнотѣ, но эти его отвѣты не одного и того же качества и въ научномъ отношеніи должны быть различно оцѣниваемы.

Центральнымъ пунктомъ, на который Оригенъ потратилъ всѣ свои силы богатаго ума, неистощимую изобрѣтательность аналогій и блестящее знакомство съ философіей—это была личность Иисуса Христа въ Его божественныхъ и человѣческихъ проявленіяхъ. Достаточно напомнить о столь блестящихъ отдѣлахъ, посвященныхъ имъ личности Иисуса Христа, какія написаны имъ на темы „Иисусъ еще недавно появился среди людей“, или происхожденіе отъ Пантеры, чтобы прямо удивиться богатству его ума, необыкновенной находчивости мысли и удивительной изобрѣтательности.

¹⁾ Эдипъ, сынъ египскаго царя. Онъ убилъ своего отца и женился на своей матери, не зная ни того, ни другой (Любк. 110 слѣд.).

²⁾ Тіастъ и Атрей, двоюродные братья, заключили между собой союзъ, что они желаютъ одинъ послѣ другого царствовать въ Аргосѣ. Когда очередь досталась Тіасту, то его братъ не хотѣлъ уступить ему мѣсто. Тіастъ настолько былъ огорченъ всѣмъ этимъ, что соблазнилъ супругу своего брата и отнял у него извѣстныхъ барановъ съ золотыми рогами. Атрей разгнѣвался на всѣ причиненныя его братомъ несправды и отомстилъ ему гѣмъ, что пригласилъ къ себѣ дѣтей Тіаста, убилъ ихъ и самого Тіаста засадилъ ихъ съѣсть. Mosh. 417.

Но для Оригена личность Иисуса важна, такъ сказать, не по своей индивидуальности, но оцѣниваемая, какъ Искупитель и Спаситель рода человѣческаго.

Мысль Оригена развивается въ слѣдующемъ порядкѣ. Утвержденіе Цельса, что если страданія восприняты Иисусомъ по волѣ Отца, то очевидно Онъ понесъ эти страданія, для Него, какъ Бога, и они не должны оказаться болѣзненными. Но если Иисусъ по Своей волѣ принялъ наказаніе, то несомнѣнно они сопровождались для Него болѣзненными ощущеніями, да и не были противны Его собственнымъ намѣреніямъ. Коль скоро Онъ явился въ міръ путемъ рожденія, то получилъ плоть, способную подвергаться болѣзнямъ и мученіямъ, противиться которымъ Онъ былъ не въ состояніи. Вотъ почему враги Его получили возможность причинить Ему тягость и страданія, да и Онъ явился въ міръ для того, чтобы Своими страданіями доставить людямъ спасеніе; да и захватъ Иисуса совершился по Его волѣ, такъ какъ наступило время для Него отдать Себя въ руки людей, какъ агницу Божію, взявшему на Себя грѣхи міра (Іоан. 5, 1). Если Иисусъ принялъ страданія по Своей волѣ, то Онъ могъ бы и избѣжать ихъ, если бы пожелалъ, но Онъ зналъ, что Его смерть принесетъ людямъ спасеніе и дастъ много полезныхъ благъ ¹⁾. И мысль, что Христосъ перенесъ страданія для спасенія людей, часто повторяется у Оригена и составляетъ его непоколебимое убѣжденіе. Иудеи выступаютъ съ такимъ заявленіемъ: „вы, обладатели чистой вѣры обвиняете насъ въ томъ, что мы не признаемъ этого іудея Богомъ и не соглашаемся съ вами въ признаніи того, что Онъ перенесъ эти страданія для спасенія людей ²⁾, и Онъ часто наставлялъ своихъ учениковъ, что Онъ перенесъ эти страданія для спасенія людей ³⁾“; отсюда сравненіе Цельса съ разбойниками распятыми на крестѣ получаетъ свой смыслъ... что Христосъ умеръ за грѣхи всего рода человѣческаго ⁴⁾.

И другой важнѣйшій фактъ въ жизни Иисуса Христа—Его смерть и воскресеніе, дополняющее искупительную Его дѣятельность, составляютъ несомнѣнный фактъ Его жизни.

¹⁾ 11. 24.

²⁾ 11. 37.

³⁾ 11. 39.

⁴⁾ 11. 44.

Воскресеніе Іисуса ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть сравниваемо съ древними героями. Древніе герои могли жить, сколько они хотѣли, безъ всякаго труда скрываться на нѣкоторое время и, когда имъ было желательно, снова возвращаться въ тѣ мѣста, какія они покинули. Но Іисусъ былъ распятъ на глазахъ всего іудейскаго народа и Его бездушное тѣло было снято со креста въ присутствіи громадной толпы народа. Возможно-ли думать, что Іисусъ разыгрывалъ обманъ, подобный древнимъ героямъ, ниспускался въ низшія части земли и вновь возвращался назадъ, и послужила—ли эта исторія боговъ причиной того, что Іисусъ публично прибитъ былъ на крестѣ. Возможно допустить, что Іисусъ заключилъ Свою жизнь въ нѣкоторомъ сокрытомъ мѣстѣ; можно-ли думать, что въ этомъ случаѣ скажете, что Онъ подражалъ древнимъ героямъ. Быть можетъ, къ числу причинъ, побудившихъ Іисуса распять Себя публично, можно присоединить и ту, что Онъ издохнулъ Свой духъ предъ глазами всего міра для того, чтобы никто не имѣлъ права думать что Онъ въ томъ намѣреніи на время удалился отъ міра и общенія людей, чтобы распространился слухъ о смерти Его, хотя Онъ на самомъ дѣлѣ уже жилъ. Поэтому ничего нѣтъ страннаго въ томъ, что ученики Его получили чрезъ все это твердое и ясное доказательство истины воскресенія Іисуса, такъ какъ они Его ученіе не безъ опасности для себя распространяли и проповѣдовали его такъ великодушество и безстрашно. Никогда бы они съ такою радостью и стойкостью не возвѣщали о воскресеніи Его, не только научая другихъ презирать смерть, но сами съ сердечной радостью идя на встрѣчу ей, если-бы исторія воскресенія Іисуса была выдумкой 1).—Какимъ образомъ тотъ, кто во всю свою жизнь не могъ оказать себѣ помощи, самъ возсталъ отъ мертвыхъ и показалъ раны и признаки язвъ на рукахъ и кто это видѣлъ: одна сумасбродная женщина и кто-то другой изъ ихъ сумасброднаго общества, которому снилось во снѣ, что ему желательно было видѣть? Платонъ въ своемъ разговорѣ о душѣ утверждаетъ, что точный образъ умершихъ видятъ при гробахъ 2). Происходитъ такой фактъ, что въ такомъ то случаѣ

1) 11. 56.

2) Plato Phaedon c., 35 cit. ed.

душа представляет собой особое существо въ просвѣщенномъ и прозрачномъ видѣ, подобномъ земному. Дѣйствительное существованіе язвъ на воскресшемъ тѣлѣ Иисуса доказывается явленіемъ Воскресшаго апостолу Томѣ въ обращенныхъ къ нему словахъ: „подай персть твой сюда и осмотри Мои руки, подай руку и вложи въ ребра (Іоан. 20, 27)“. Отсюда видно что не одна сумасбродная Марія (ругательное слово, употребленное Цельсомъ и не встрѣчающееся въ евангеліяхъ) видѣла Иисуса. Процессъ окончательнаго искупленія въ возрѣвнн Оригена обрисовывается въ слѣдующихъ чертахъ: „пытка и муки, какія Иисусъ высокомужественно вынесъ, доказываютъ только несправедливость людей, нанесшихъ эту казнь, но божественное повелѣніе, что Онъ долженъ страдать, не погибло въ Немъ и выполнѣ проявилось въ Немъ во всей правдѣ. Самъ Иисусъ возвѣстилъ это, когда Онъ сказалъ: если горчичное зерно, падшее на землю, не умретъ, то останется одно и не принесетъ плода. Иисусъ, слѣдовательно, это зерно, и Отецъ возрастающіе изъ Него фрукты (совершенные христіане) сторожить и питаетъ, чтобы они постоянно возрастали, и когда эти фрукты созрѣютъ, они (истинно-вѣрующіе) проникнутся Словомъ Божиимъ и Его божественными законами и устремятся къ тому, чтобы соединиться съ Высшимъ Богомъ чрезъ Его Сына, живое Слово и справедливость и, подчиняясь въ своемъ поведеніи Его Божественному закону, соединятся съ Богомъ и пребудутъ въ неразрывной связи съ Нимъ. Вотъ въ чемъ заключается конечная цѣль спасенія и искупленія истинно-вѣрующихъ въ Иисуса Христа.

Одной изъ важнѣйшихъ и наиболѣе обработанныхъ частей апологіи Оригена, является отдѣлъ, посвященный защитѣ *Личности Христа* и Его ближайшихъ учениковъ. Пусть докажутъ обвинители Иисуса, проявлялась-ли въ Его словахъ какая либо тѣнь или какой-либо элементъ высокоумія напр. въ такихъ Его выраженіяхъ: „научитесь отъ Меня, какъ Я кротокъ и смиренъ сердцемъ, и обратите покой душамъ вашимъ“ (Мѣ. 11, 25) Наблюдается ли какая нибудь доля самохвальства у Того, Кто снялъ свои одежды за столомъ и сталъ омывать ноги Своимъ ученикамъ (Лк. 22, 27), и дано-ли какое-либо высокоуміе въ Томъ, Кто говорилъ: Я былъ посреди ихъ не какъ возлежащій, а какъ служащій (Лк. 22, 21); и пусть докажутъ обвинители, обмануль-ли Онъ кого-нибудь, и проведутъ

при этомъ границу между великой и малой ложью и представлять доказаннымъ, что Иисусъ сдѣлался великимъ обманщикомъ. Неужели въ самомъ дѣлѣ безбожно то, что Онъ оставилъ тѣлесныя обрѣзанія, тѣлесныя праздники, прекратилъ различіе между чистымъ и нечистымъ, направивъ умъ въ сторону закона Божія, истиннаго, разумнаго и духовнаго, чтобы каждый вѣстникъ, посланный во имя Христа, былъ способенъ для іудея дѣлаться іудеемъ и какъ бы подзаконнымъ для находящихся подъ закономъ ¹⁾.

И чудеса Христа ничѣмъ не напоминаютъ тѣхъ удивительныхъ дѣйствій, какія производятъ фокусники, получившіе свое искусство у египтянъ. Если бы существовало какое-либо сходство или подобіе между чудесами Иисуса и дѣлами фокусниковъ, то тогда можно было бы допустить, что и всѣ свои чудеса Онъ совершилъ изъ желанія привлечь къ Себѣ вниманіе и ослѣпить людей. Но ни одинъ фокусникъ пока не вызывалъ у своихъ зрителей стремленія къ нравственному улучшенію, не приводилъ ихъ къ страху предъ Богомъ, хотя они и были поражены тѣмъ, что они видятъ. Иисусъ совершалъ чудеса не для своихъ только зрителей. Онъ явилъ Себя образцомъ жизни, какъ для собственныхъ учениковъ затѣмъ, чтобы они всегда готовы были наставлять людей, такъ и для остальныхъ вѣрующихъ въ тѣхъ цѣляхъ, чтобы они болѣе ученіемъ и образомъ жизни, чѣмъ своими чудесами, старались поучать, какъ нужно жить, чтобы во всей своей дѣятельности заботиться только объ угожденіи Богу Вседержителю ²⁾. Трудно и невозможно допустить даже и мысли о томъ, что Иисусъ Христосъ былъ простой человѣкъ. Какъ бы въ такомъ случаѣ Онъ осмѣлился распространить Свою религію по всей вселенной, осуществить Свое желаніе безъ божественной помощи и оказаться побѣдителемъ надъ всѣми, кто препятствовалъ распространенію Его ученія, надъ царями, вождями, надъ всѣми начальниками народа и всѣмъ народомъ? Да и какое простое человѣческое существо, не обладавшее никакой великой силой, могло обратить къ Своему ученію не только многихъ мудрецовъ, что было бы не удивительно, но даже людей въ высшей степени неразумныхъ и

¹⁾ Ср. выше, стр. 263.

²⁾ 1. 68.—1. 221... Ср. выше 260.

вслѣдствіе неразумности своей и страстей составляющихъ собой препятствіе къ возвращенію на путь истинный и благочестіе. Только потому, что Христосъ является силою и мудростью Отца, все это Онъ могъ совершить и совершаетъ доселѣ, несмотря на то, что Іудеи и эллины, не вѣрующіе Его ученію, стараются противодѣйствовать Ему ¹⁾. Сравненіе Іисуса съ исторіей полубоговъ доказываетъ, что Онъ никогда и нигдѣ не опорочилъ себя дурнымъ поступкомъ, и если бы кто пожелалъ посвятить всю свою жизнь на то, чтобы собрать все ложныя свидѣтельства относительно жизни Іисуса и обвинить Его въ какой-нибудь преступности и безпорядочности жизни, онъ не достигъ бы успѣха. ²⁾

И оскорбительныя сужденія Цельса объ ученикахъ Іисуса Христа не имѣютъ подъ собой разумной почвы. Разматривая дѣянія апостоловъ безпристрастно и безъ предубѣжденія, должно прійти къ тому выводу, что они проповѣдывали христіанское ученіе и приводили людей къ слову Божію при помощи Божественной силы; они не обладали умѣніемъ говорить, не имѣли способности убѣждать по правиламъ діалектики и риторики, при содѣйствіи которой они могли бы привлекать къ себѣ вниманіе слушателей. И самая мысль, что Іисусъ для распространенія Своего ученія избралъ людей, которыхъ народъ считалъ бы учеными и которые увлекательнымъ развитіемъ мысли, могли бы понравиться каждому образованному человѣку, не соответствуетъ задачамъ евангельской проповѣди. Тогда можно было бы основательно заподозрить, что для распространенія Своего ученія Іисусъ избралъ такое—же средство и такой же путь, какимъ пользуются вообще основатели философскихъ школъ, и тогда слѣдовательно исполненіе обѣщанія о Божественности Его ученія не могло быть столь очевиднымъ, и проповѣди учениковъ имѣли бы въ своемъ основаніи убѣдительность словъ и искусство изложенія, а въ такомъ случаѣ и вѣра Его послѣдователей пріобрѣталась бы не силой Божіей, а человѣческой мудростью, какъ это бываетъ при возникновеніи вѣры у мірскихъ философовъ. Если принять теперь во вниманіе, что эти мытари и рыбари, неизучившіе даже началъ знанія,

¹⁾ Ср. выше 280—281.

²⁾ См. стр. 282.

не только проповѣдуютъ іудеямъ безбоязненно о необходимости вѣры въ Иисуса Христа, но и возвѣщаютъ о Немъ остальнымъ народамъ, то тогда вполне умѣстно задать вопросъ, откуда у нихъ явилась убѣдительная сила,—тѣмъ болѣе, что она явилась для многихъ необычной. И кто станетъ отвергать, что Иисусъ словами: „идите за Мною и Я сдѣлаю васъ ловцами человековъ (Мѣ. 4, 19),“ преисполнилъ ихъ нѣкоторой Божественной силы, вотъ почему слово, возвѣщаемое съ силой, проявляетъ себя въ жизни и настроеніи, въ борьбѣ за истину, доходящей даже до смерти. Между тѣмъ Цельсъ называетъ апостоловъ людьми крайне грѣшными. Но кто поставилъ себѣ цѣлью осуждать пороки прежней жизни людей, давно уже оставившихъ свой порочный путь, тотъ долженъ обвинить Федона за то, что онъ обратился отъ порочной жизни къ философін, и подвергнуть порицанію разумную жизнь Полемона, между тѣмъ, какъ по адресу его онъ долженъ былъ бы расточать похвалы за то, что Ксенократъ въ лицѣ своихъ послѣдователей получилъ силу возвращать людей отъ грязи пороковъ къ добру. Среди послѣдователей Иисуса находилось не только извѣстныхъ двѣнадцать апостоловъ, но число ихъ, постепенно увеличиваясь, возрастаетъ и составляетъ собой хоръ многочисленныхъ добродѣтельныхъ людей. Противники христіанства не замѣчаютъ, у сколькихъ людей укрощены ими страсти, у сколькихъ уничтожена бездна пороковъ и смягчена гордость нравовъ. Люди, заботящіеся объ общественномъ благѣ, должны воздать единогласно благодарность христіанамъ за то, что они освободили ихъ отъ многихъ страстей, или по крайней мѣрѣ засвидѣтельствовать, что при всей своей предполагаемой начитанности они полезны роду человѣческому ¹⁾).

Полемика Оригена противъ Цельса становится несравненно сильнѣе, когда она переносится на почву философін и вообще эллинской мудрости. Философы его самые близкіе друзья; при помощи и ближайшемъ посредствѣ ихъ онъ защищаетъ свои собственные возрѣнія и опровергаетъ Цельса, и это нужно признать достойнымъ вниманія и замѣчательнымъ фактомъ, что уже въ половинѣ 3-й христіанской эры, какъ показываетъ примѣръ Оригена, знакомство церковныхъ писателей съ эллинской

¹⁾ Ср. выше 251—250.

философіей достигло такого совершенства, что для защиты каждаго случайнаго факта они могли привести соотвѣтствующія аналогіи. Въ качествѣ доказательства этого тезиса лишь достаточно указать на слѣдующіе примѣры. Уже совершенно дѣтскими являются возраженія Цельса. когда онъ говоритъ, что хорошій предводитель, повелѣвающій многими находящимися подъ его властью, еще никогда не былъ оставленъ своими признанными (апологія Іуды)... Цельсъ похваляется своимъ знакомствомъ съ философами, и потому можно задать ему вопросъ: „да неужели противъ Платона можно выставить обвиненіе въ измѣнчивости на томъ основаніи, что Аристотель послѣ 25-лѣтняго пребыванія у него въ качествѣ ученика, отказался слѣдовать ему, осудивъ его ученіе о безсмертіи души, и его идеи назвалъ пустыми бреднями. Также и Хризиппъ, повидимому, во многихъ своихъ произведеніяхъ высказываетъ упрекъ по адресу Клеанфа и расходится съ его взглядами, хотя еще въ юности изучилъ его философію ¹⁾—Иисусъ не явилъ Себя свободнымъ отъ зла. Но отъ какого зла показалъ себя Иисусъ несвободнымъ?. Если Цельсъ хочетъ сказать, что онъ не свободенъ отъ зла въ собственномъ смыслѣ (какъ рѣзкаго нарушенія ²⁾ міропорядка), то пусть онъ представитъ въ доказательство злое дѣяніе, совершенное Имъ, но если подъ зломъ онъ разумѣетъ бѣдность, крестъ и коварные замыслы потерянныхъ людей, тогда онъ долженъ признать, что то же несчастіе случилось съ Сократомъ и что слѣдовательно и онъ оказался несвободнымъ отъ зла нравственнаго. Подобные случаи встрѣчались и у многихъ другихъ философовъ. Такъ извѣстно, что Демокритъ обратилъ свое имѣніе въ пастбище овецъ; Кратесъ отдалъ всѣ свои деньги, вырученные отъ продажи своихъ имѣній, чтобы сохранить свободу. Діогенъ по своей невзыскательности жилъ даже въ бочкѣ, и конечно ни одинъ разумный человѣкъ, обсуждающій эти примѣры, не скажетъ, что Діогенъ лежалъ весь во злѣ ³⁾.

Невѣрующіе смѣются надъ ученіемъ о воскресеніи Иисуса Христа, но не то же-ли разказывается о Эрѣ, сынѣ Арменія, ко-

¹⁾ Срав. выше стр. 266. 277.

²⁾ См. выше, стр. 274. 275.

³⁾ Ср. выше 277. 278.

торый чрезъ двѣнадцать лѣтъ умеръ на кострѣ и разсказывалъ о томъ, что видѣлъ въ преисподней ¹⁾; равнымъ образомъ указываютъ и на разсказъ Гераклита о бездыханной женщинѣ; что удивительнаго въ томъ, что Іисусъ, несмотря на свои чудесныя дѣянія, призналъ въ смерти нѣчто болѣе великое, когда душа его отдѣлилась отъ тѣла, и потомъ по собственному желанію опять возвратилась въ тѣло къ совершенію назначеннаго ей дѣла.

Таковъ методъ полемики Оригена съ Цельсомъ, и онъ имѣетъ свою цѣнность и основное значеніе его состояло въ томъ, чтобы своего противника, опиравшагося на античныя предпосылки, поразить тѣмъ же почти орудіемъ—параллелями, взятыми изъ древней греческой философіи.

Обращаясь къ общей оцѣнкѣ Оригена, какъ христіанскаго апологета и главнымъ образомъ въ отношеніи его къ Цельсу, должно признать, что основная цѣль, поставленная имъ для своего полемическаго труда, на каждое возраженіе Цельса даетъ соотвѣтное ему опроверженіе въ полнотѣ или во всей цѣльности и совершенствѣ. И при этомъ Оригенъ въ своей полемикѣ съ Цельсомъ не ограничивается опроверженіемъ только того что высказано Цельсомъ въ каждомъ отдѣльномъ тезисѣ, а напротивъ, часто пользуется имъ—этимъ тезисомъ—для того, чтобы развить по поводу его свой какой либо новый и оригинальный на обсуждаемый вопросъ взглядъ. Вспомнимъ напр. объ основательныхъ и интересныхъ объясненіяхъ исторіи Лота съ дочерьми (241), о способѣ соединенія тѣлъ съ душами (250), защиту крещенія параллелями язычества (251) и цѣлую теорію о двухъ законахъ: законѣ, происходящемъ отъ природы т. е. отъ Бога и не подлежащемъ нарушенію, и законѣ гражданскомъ, обязательномъ только для его гражданъ (377). Внимательный читатель Оригена легко подберетъ конечно и самъ рядъ подобныхъ примѣровъ. Все это достаточно свидѣтельствуетъ о томъ, что апологія Оригена не ставитъ своею исключительною цѣлью полемику съ Цельсомъ, но имѣла въ виду доставить и общепользныя свѣдѣнія, богатыя оригинально-стью содержанія и богословскою цѣнностью.

¹⁾ Plato. Respublica. ed. Deubnor. t. I. 23.

²⁾ См. сгр. 278. 2.

Если можно и говорить о недостатках Оригена, то этот терминъ въ примѣненіи къ христіанскому апологету можно прилагать только cum grano salis; можно указать два примѣра: въ одномъ случаѣ онъ заставляетъ Моисея обсуждать важный вопросъ вмѣсто того, чтобы принять эту обязанность на себя (ср. выше стр. 379); въ другомъ случаѣ онъ принуждаетъ Цельса развивать тѣ мысли, какія долженъ былъ бы раскрыть Оригенъ; послѣдняго рода недостатки встрѣчаются у него чаще. При всей оппозиціонности и несогласности ихъ основныхъ точекъ зрѣнія на обсуждаемые Цельсомъ и Оригеномъ вопросы, нельзя ни въ какомъ случаѣ считать Оригена какимъ-либо врагомъ Цельса, неспособнымъ войти съ нимъ ни въ какіе компромиссы. Нерѣдко онъ именуется его „мой добрый мужъ“, привѣтствіе, повидимому, обычное въ древне-церковной полемикѣ. Но тамъ, гдѣ взгляды, развиваемые Цельсомъ, соотвѣтствуютъ собственнымъ убѣжденіемъ Оригена, онъ готовъ принять въ объятія своего противника. Цельсъ говоритъ: „Богъ выше всѣхъ вещей, о которыхъ мы знаемъ“, но какіе предметы онъ здѣсь разумѣетъ? Если онъ при этомъ предполагаетъ человѣческое тѣло и то, что въ обычномъ порядкѣ обозначается имъ, то и христіане согласны съ нимъ; понимаетъ-ли онъ здѣсь совокупность всѣхъ вещей, то и христіане признаютъ, что все существующее получаетъ свое бытіе отъ Бога. Если же онъ пожелаетъ истолкованіе своего слова въ высшемъ смыслѣ, что всѣ вещи, которыя человѣческая мысль можетъ постигать и познавать, меньше, чѣмъ Богъ, то и Оригенъ не хочетъ отказываться отъ здраваго разума, такъ какъ Бога не превосходятъ не только то познаніе, къ какому способна человѣческая личность, но и всѣ тѣ существа, которыя превышаютъ природу человечества ¹⁾. И въ другомъ еще болѣе важномъ пунктѣ. христіане тоже признаютъ, что для Бога не все возможно; но подъ этимъ словомъ они понимаютъ не взаимно противоположныя вещи, ни то, что противно разуму. Они охотно могутъ утверждать съ противникомъ, что Богъ ничего не дѣлаетъ враждебнаго, такъ какъ Богъ, если бы Онъ совершилъ что-нибудь враждебное или противное Его природѣ,

¹⁾ VI, 62,—11, 132, 133. См. выше стр. 138.

перестала быть бы Богомъ. Если подъ терминомъ „противъ природы“ разумѣются грѣхи и пороки, то и христіане согласны съ тѣмъ, что Богъ ничего грѣховнаго и неразумнаго не создаетъ, и никто не можетъ утверждать, что все, что произошло по совѣту Бога, противно природѣ, хотя бы разсматриваемое само по себѣ это и казалось бы кому-нибудь невѣроятнымъ. Такъ христіане соглашаются и съ тѣмъ, что Богъ не можетъ дѣлать ничего такого, что было бы для Него неприлично или неблагопристойно, такъ какъ Онъ перестала быть бы въ этомъ случаѣ Богомъ. Не страсть къ спорамъ заставляеть Оригена провѣрять Цельса, но только любовь къ истинѣ, и онъ признаетъ полное право за нимъ, когда онъ утверждаетъ, что первоначало и источникъ всякаго блага—не Господь человѣческихъ страстныхъ и необузданныхъ желаній и управляетъ природой совершенной, упорядоченной и доброй ¹⁾).

Лучшимъ заключеніемъ къ апологіи Оригена и при этомъ одной изъ самыхъ характерныхъ и свѣтлыхъ сторонъ его личности является его уваженіе къ наукѣ и мудрости.

Христіане не усматриваютъ ничего дурнаго въ томъ, чтобы быть ученымъ: ученость—путь къ добродѣтели. Кто будетъ отрицать, что похвально наполнять свои головы полезными и спасительными сужденіями, согласными съ истиной и возбуждающими человѣка къ добродѣтели; ни одна изъ этихъ вещей ни вредитъ познанію Бога, а напротивъ ученость, добрыя мысли являются путемъ къ нему ²⁾.)—Истинная мудрость никого не вводитъ въ заблужденіе или обманъ; это—результатъ невѣжества. Ничто въ мірѣ такъ не прочно, какъ наука или истина, такъ какъ обѣ онѣ имѣютъ источникъ въ высшей мудрости. Наука о зломъ,—если можно такъ выразиться,—наблюдается у людей, приведшихъ себя въ заблужденіе и отвратившихся отъ истины. Такую мудрость можно назвать только лжеученіемъ, а не мудростью ³⁾).

А. Спасскій.

¹⁾ V, 23—11, 24. См. выше. Стр. 301. 302.

²⁾ III, 47.

³⁾ III, 72.